

Преподаватели и студенты кафедры теории музыки и музыкального образования представляют проект, посвященный Году педагога и наставника, под названием «Творцы и таланты: педагогические симфонии». В основе проекта – беседа Ученика и Учителя, где первый задает вопросы о чем угодно, а второй на них отвечает максимально открыто и честно. Два раза в месяц мы будем публиковать «педагогические симфонии» в виде интервью. А уж как сложилось оно, это совместное звучание (сим-фония) творцов и талантов, судить тебе, читатель!

Н.В. Грузинцева, канд. иск., доцент,
руководитель проекта

Мария Николаевна Блажевич: «Преподавательская деятельность? Для меня – это отдых!»

Мария Николаевна Блажевич - выпускница фортепианного и теоретического отделений Тюменского колледжа искусств. С отличием окончила Казанскую государственную консерваторию им. Н.Г. Жиганова по классам фортепиано и органа, магистратуру Санкт-Петербургского государственного университета, прошла стажировку на кафедре органа и клавесина Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского. В 2012 году завершила обучение в аспирантуре Казанской консерватории защитой диссертации на тему «Числовая символика в музыкальной теории и практике XVII века (на материале немецкой органно-клавирной музыки)». Кандидат искусствоведения. С 2003 года – артистка Тюменской государственной филармонии, участница оркестра «Камерата Сибири» и ансамбля старинной музыки «Вароссо» под управлением заслуженного артиста России и Украины Антона Шароева. С 2012 года - солистка Томской филармонии. Активно гастролирует по городам России, ближнего и дальнего зарубежья. Лауреат всероссийских и международных конкурсов органной и фортепианной музыки. В ТГИК на кафедре теории музыки и музыкального образования преподает сольфеджио, на кафедре фортепианного искусства - орган.

С **М.Н.Блажевич** беседует **Альберт Ситдигов**, студент 4 курса профиля «Музыковедение»

А.С.: Мария Николаевна, в колледже вас одинаково интересовали и теория музыки, и фортепиано?

М.Б.: На первом месте всегда было фортепиано, а теория – как дополнение. Но музыковед из меня все-таки вырос: я окончила аспирантуру, защитила диссертацию. До сих пор считаю, что невозможно быть музыковедом без владения инструментом. Впрочем, это мое сугубо личное мнение.

А.С.: А как вы «вышли» на орган?

М.Б.: Мне была интересна доклассическая музыка. Я понимала, что на фортепиано мы, по сути, исполняем транскрипции баховских сочинений. А все, что было до Баха, пианистам практически недоступно. Захотелось изучать этот огромный пласт ранней музыки.

А.С.: Но на концерте в тюменской церкви Святой Троицы я обратил внимание, что вы исполняли на органе только переложения произведений, написанных для других инструментов! Какой же смысл играть переложения, когда существует, как вы сказали, «огромный пласт» музыки, написанной специально для органа?

М.Б.: Смысл в том, что мне это интересно! Играя переложения сочинений, становишься то дирижёром оркестра, то скрипачом-виртуозом. Или певицей, как в программе «Орган и опера», где я играю переложения знаменитых оперных арий, увертюры. Если это прекрасная музыка, почему бы ее не переложить для органа? Я считаю, что орган – инструмент, который может все, сверхинструмент. Поэтому примерно половина моего репертуара – это переложения. Но и оригинальной музыки у меня тоже достаточно. Так что есть баланс, в любом случае!

А.С.: Мне показалось, что иногда, например, в концертах Вивальди «Времена года», орган был малоподвижен, массивен и темброво ограничен. ...

М.Б.: Люди охотно идут на «Времена года», но Вивальди не писал для солирующего органа. Выход - играть переложения его сочинений! И я бы поспорила, что органу не хватает звукоизобразительных средств. Думаю, что он звучит здесь не хуже, чем струнные инструменты. Например, в концерте «Весна» маленькие трубочки, на мой взгляд, более органично имитируют пение птиц, чем скрипки. ...

А.С.: Ваши концертные программы отличаются названиями, далекими, мягко говоря, от академической традиции: "Орган слезам не верит", "Орган меняет профессию", "Орган в стране чудес" ...

М.Б.: Скучно идти на концерт "Шедевры органной музыки" или "От Баха до Оффенбаха"... На программы с броским названием люди ходят лучше и, что самое главное, слушают орган! А играть ведь можно все, что хочешь. Например, в концерте "Пираты органного моря», посвящённом водной стихии, можно играть музыку из

"Пиратов Карибского моря" и "Шехерезаду" Римского-Корсакова, "Игру воды" Равеля, «Музыку на воде» Генделя. Люди приходят услышать какой-то любимый саундтрек, но, в основном, слушают академическую музыку.

А.С.: Получается, что в «битве за слушателя» хороши все средства?

М.Б.: А что, лучше будет, если слушатель «отметится» раз в жизни на так называемом «Концерте органной музыки», услышит академические сочинения Регера, Франка, Баха, сделает вывод, что это что-то сложное и непонятное и поставит крест на органных концертах? Но мой главный принцип как раз в том, чтобы люди приходили слушать орган с удовольствием и не один раз. При этом просветительская и воспитательная направленность концертов, конечно, является основополагающей. И постоянная публика есть! Я общаюсь с этими людьми в социальных сетях, во всех мессенджерах, знаю, как они полюбили орган, и как они вновь и вновь приходят на новые концерты. Меня это радует!

А.С.: А вы слушаете популярную музыку?

М.Б.: Для души – могу, того же Поля Мориа. Или, например, слушаю какие-то красивые саундтреки, при этом думаю, что из них можно сыграть на органе. Могу послушать рок-композиции, если готовлюсь к программе "Органний рок". Но я в этой музыке не такой спец. А так, чтобы современную эстраду – нет, спасибо!

А.С.: Массовая музыка – это музыка второго сорта?

М.Б.: Массовая – не значит второсортная и бездарная по определению. Мне кажется, есть музыка хорошая и плохая, та, которая трогает сердце и душу и не трогает. И то, и другое есть в академической музыке, роке, джазе, эстраде.

А.С.: У вас очень активная концертная жизнь, на концертах аншлаг ... Зачем вы занимаетесь преподавательской деятельностью?

М.Б.: Для меня – это отдых от бесконечной концертной суеты. Заработка здесь нет практически никакого, потому что у меня очень маленькая нагрузка.

А.С.: Некоторые музыканты не только всю жизнь совмещают творческую и преподавательскую деятельность, но и в какой-то момент вовсе оставляют выступления, полностью посвящая себя педагогике. Вы допускаете такую возможность?

М.Б.: Конечно, я думаю о том, что да, может настать тот день, когда я не смогу играть. Поэтому рассматриваю и такой вариант событий, когда я полностью посвящу себя педагогике.

А.С.: Каким вы видите будущее академической музыки?

М.Б.: Я не Кассандра, чтобы делать прогнозы относительно будущего академической музыки! Очевидно, что сейчас все упрощается, людям нравится минимализм - пара нот, которые повторяются бесконечно. ...Очевидно и то, что все сейчас стремится к синтезу музыки, театра, света, живописи. Будущее, возможно, за этим. Но делать далеко идущие выводы на основе единичных наблюдений я бы не стала.